

III. ОБЗОРЫ

Е.А. ЦУРГАНОВА

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ: ЗА И ПРОТИВ

Обращение к американскому деконструктивизму сегодня объясняется тем, что он более чем какое-либо другое явление, характеризует суть «постмодернистской ситуации». Кроме того, в мире не ослабевает интерес к «основоположнику мудрости деконструктивизма» Жаку Деррида (1930–2004), место которого как «фигуры влияния» на интеллектуальном горизонте Запада пока никем не занято (6, с. 29). Критика французским исследователем западной логоцентристической традиции, стремящейся во всем отыскать некую истину, придать смысл и упорядоченность всему, на что направлена мысль человека, и – противопоставление ей деконструктивной модели, допускающей сосуществование бесчисленных равноправных интерпретаций, лишающих смысла любой текст, как и саму внеязыковую реальность, ставят под сомнение традиционные представления классической эстетики и литературоведения, составлявшие суть единства общества и его культуры.

Деконструктивизм стал международным явлением, внедрил специфическую практику анализа художественного произведения, стал восприниматься как мироощущение современной литературной эпохи, представляющее новую стадию развития западной цивилизации – время Постмодерна.

Американский исследователь, профессор Винсент Лейтч – автор многих статей по теории литературы и книги «Деконструктивная критика: Развернутое введение» (6) пишет, что деконструктивная критика в США впервые заявила о себе в начале 70-х годов

и была представлена небольшой группой критиков, родившихся в межвоенный период: Г. Блум, Е. Донато, Поль де Ман, Дж. Хартман, Дж. Хиллис Миллер и Дж. Риддел. К середине и концу 70-х годов к ним присоединилась большая группа более молодых по возрасту критиков: Ш. Фелман, В. Джонсон, Дж. Мелман, Г. Спивак и др. Все эти критики так или иначе были связаны с университетами Джонса Хопкинса или Йельским. Когда Миллер и де Ман остались университет Джонса Хопкинса и присоединились к Блуму и Хартману в Йеле, они образовали так называемую «Йельскую школу», которая просуществовала до середины 80-х годов¹.

Ключевой фигурой в формировании американского деконструктивизма стал французский философ Жак Деррида, который в 70-е годы преподавал в ведущих университетах США. В 1976 г. на конференции по структурализму он подверг решительной критике структуралистское мировоззрение. Были опубликованы три его книги на английском языке: «О грамматологии», «Речь и феномены», «Письмо и различие»². В первой он расширил и углубил критику структурализма, во второй предпринял серьезную критику гуссерlianской феноменологии, в третьей предложил одиннадцать эссе, в которых содержалась полемика в адрес структурализма и феноменологии, а также было предпринято исследование проблем психоанализа и литературы. С самого начала деконструктивная позиция у Деррида была не только «постструктуральной» и «постфеноменологической», но и ориентированной на специфические психоаналитические и литературные проблемы.

Хотя все американские деконструктивисты разделяли критику структурализма и феноменологии, они отличались по степени своей приверженности философии Жака Деррида и оценке «политической» значимости деконструктивизма.

Первый этап развития деконструктивизма в США – с 1968 по 1972 г. – процесс формирования доктрины. Второй этап – с 1973 по 1977 г. – период активных дебатов в обсуждении программных текстов. Третий этап с 1978 по 1982 г. – учреждение школы и целенап-

¹ О других направлениях американского деконструктивизма см.: Западное литературоведение XX в.: Энциклопедия. – М., 2004. – С. 122–124.

² Derrida J. Of Grammatology. – Baltimore; L., 1976. – XC, 354 p.; Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs. – Evanston, 1978. – XIII, 166 p.; Writing and difference. – Chicago, 1978. – XX, 342 p.

правленное расширение сферы ее влияния. В 1979 г. вышел сборник «Деконструкция и критика» (4), получивший название «Йельский манифест» и ознаменовавший окончательное оформление деконструктивизма. В 1982 г. были изданы книги Дж. Каллера «О деконструкции: Теория и практика после структурализма» (3), В. Лейтча «Деконструктивная критика: Развернутое введение» (6), Ч. Норриса «Деконструкция: Теория и практика» (12). Четвертый этап деятельности деконструктивизма начался в 1982 г.; он характеризуется расширением сфер влияния данной школы, распространявшегося на теологию, литературную педагогику, политику.

Способность деконструктивизма воздействовать на критиков самых разных ориентаций – от ультраконсерваторов до радикалов, от традиционных гуманистов до правоверных марксистов, от эмпириков и прагматиков до идеалистов и материалистов – делало деконструктивизм явлением, напоминающим «новую критику», которая десятилетием ранее занимала центральное положение на ниве литературно-критических баталий. Неудивительно, что деконструктивизм иногда называют «новой критикой» – по тому же центральному положению в области литературной теории, по своей локализации в Йельском университете, по преимущественной ориентации на исследование текста.

В книге «Деконструктивная критика» (6) В. Лейтч описывает современное состояние деконструктивизма, начиная с «основ», коренящихся в лингвистических, психологических и антропологических теориях и далее анализирует «пересмотр» и переосмысление этих «основ». Он вступает в полемику с работами Ф. де Соссюра, Кл. Леви-Страсса, Р. Барта, опираясь на исследования Ж. Деррида.

Семиология Ф. де Соссюра представляет собой выражение кризиса «западной философии», развитие которой, по мысли В. Лейтча, началось с Платона и Аристотеля и в XX в. продолжилось в трудах Леви-Страсса и Хайдеггера («западную философию» Деррида назвал «логоцентричной»). Теории Ф. де Соссюра ознаменовали собой конец эпохи логоцентризма, главный признак которой заключался в том, что в центре внимания философов, лингвистов и литературоведов находилось слово – сказанное или произнесенное. Язык письменности традиционно, якобы, стоял на втором плане, поскольку выполнял, на их взгляд, лишь вспомогательную функцию.

Однако, по мнению Деррида, полностью разделяемому В. Лейтчем, приходит эпоха приоритета письменности. Написанный текст всегда или почти всегда отождествляется теперь с мышлением, и, в конечном счете, с самим бытием. Речь и текст как бы меняются местами: текст постепенно выходит на первый план. В. Лейтч утверждал, что все сферы человеческой деятельности: политическая, экономическая, социальная, психологическая, историческая, религиозная – могут быть «текстуализированы». Человек в многообразных проявлениях своей сущности (например, как литературный критик, поэт или читатель) в конечном счете выражает себя через языковую конструкцию, т.е. через текст.

В. Лейтч отмечал, что Деррида критикует структурализм и семиологию Ф. де Соссюра и Кл. Леви-Страсса, «используя концепции знака и структуры как клинья для раскола традиционного представления о языке и текстуальной интерпретации» (7, с. 270). Матрицей логоцентризма было определение «бытия как присутствия». Все названия основы, начала центра всегда обозначали инвариант присутствия: сущность, существование, субстанция, субъект, трансцендентность, сознание, Бог, человек. В таких условиях письмо оценивалось как некое присутствие голоса, вторичная речь, как средство выразить голос в качестве инструментального заменителя присутствия. Динамика такого «фоноцентризма» вобрала в себя целый культурный свод оппозиций: голос/письмо, сознательное/бессознательное, реальность/образ, вещь/знак, означаемое/означающее и т.д., где первый термин получал привилегированное положение. Структурализм Соссюра, согласно Деррида, располагается внутри этой эпистемологической системы.

В противоположность структурализму Деррида утверждал, что письмо (*écriture*) – источник, начало языка, а не голос, транспортирующий сказанное слово (*logos*). Письмо включает любые формы маркирования – от набирания кода до припомнения сна, до прокладывания тропинки в лесу. Используя эту концепцию «обогащенного письма», или архиписьма (*archi-écriture*), Деррида перевернул традиционные логоцентристические полярности: письмо/голос, бессознательное/сознательное, означающее/означаемое и т.д.

Ученый пересмотрел логоцентристическую концепцию структуры. Согласно ей, структура зависела от центра, функция которого состояла в стабилизации элементов системы, какой бы она ни была, – метафизической, лингвистической, антропологической, науч-

ной, психологической, экономической, политической или теологической. Все традиционные центры имели одну цель – детерминировать «бытие как присутствие». Вокруг центра шла игра элементов структуры, но сам он в ней не участвовал. Центр ограничивал свободное движение или игру структуры. Деррида характеризует центр не как местоположение, а как систематическую функцию, цель которой ориентировать структуру. Деконструктивизм направлял свои усилия в сторону освобождения от установки на центр. В этом новизна подхода деконструктивизма к понятию структуры.

Деррида выделил две исторические модели интерпретации – логоцентрическую и деконструктивную. Под защитой Ницше, Фрейда и Хайдеггера (предтечи деконструктивизма) он предпринял деконструктивистскую атаку на логоцентризм структурализма.

Пол де Ман наиболее выпукло выразил свои взгляды на язык и риторику в 1973 г. во время конференции по теории риторики Ницше. Именно Ф. Ницше начал новую эпоху, утверждая, что язык по своему существу являетсяfigуральным и риторическим в большей степени, чем референциальным или репрезентативным. Поэтому знак – это амбивалентное отношение между референциальным иfigуральным значениями. Для де Мана основная цель – создать нетематическуюfigуральную критику, или деконструктивную риторику. Теория риторики де Мана, подобно концепции письма Жака Деррида, – инструмент деконструкции в процессе интерпретации.

В США первой фигурантой среди деконструктивистов является Дж. Хиллис Миллер (10; 11). В своей деконструктивной практике он синтезировал идеи Деррида и де Мана и проявлял гораздо меньший интерес к аналогичной постструктуральной практике, предпринятой во Франции Р. Бартом, Ж. Делёзом, М. Фуко и Ж. Лаканом.

Краеугольный камень деконструктивизма – текстуальность. Теории языка деконструктивистов размывали привязанность языка к концепциям и референтам. В результате под сомнение были поставлены все стабилизирующие понятия – единство, согласованность, присутствие, голос, структура, центр. Язык детерминирует человека больше, чем человек детерминирует язык. «Язык конституирует бытие». Вне языка нет ничего. Мир есть текст. Экстралингвистическая реальность – иллюзия. «Вне текста нет ничего», – утверждал В. Лейтч (7, с. 276).

Ключевое понятие, разработанное теоретиками Йельской школы, – *деконструкция*. Оно составило основу этого направления. Сам

термин был предложен М. Хайдеггером, введен в оборот Ж. Лаканом, теоретически обоснован Жаком Деррида. Деконструкция отличается от простого анализа, критики тем, что затрагивает основополагающие структуры, «материальные» институты. При этом действительность предстает как опосредованная дискурсивной практикой; грань между реальным миром и миром, отраженным в сознании людей, стирается. В. Лейч отметил процесс сужения и ограничения проблематики американского деконструктивизма в его эволюции от Деррида к П. де Ману и далее к Дж. Х. Миллеру. «Предмет деконструкции меняется: от всей системы западной философии он редуцируется до ключевых литературных и философских текстов... до основных классических произведений английской и американской литературы XIX и XX столетий... возросшая ясность и четкость изложения свидетельствуют о явном прогрессе и эффективности применения новой методики анализа» (6, с. 52).

Эту доступную практику создал Миллер на основе теоретических размышлений де Мана в книге «Слепота и проницательность» (1971), которую (прежде всего седьмую главу «Риторика слепоты: Прочтение Руссо Жаком Деррида») считают первой работой американского деконструктивизма. В. Лейч назвал Дж. Х. Миллера «ведущим литературным критиком деконструктивизма» (6, с. 52). Особенность американского деконструктивизма состоит в том, что его адепты восприняли из учения Ж. Деррида лишь методику текстуального анализа, а его философская проблематика осталась за пределами их интересов.

Суть деконструкции следует искать в «риторическом характере» литературного языка. П. де Ман отмечал, что «риторическая природа языка «воздвигает непреодолимое препятствие на пути любого прочтения или понимания» текста (9, с. 107). Деконструктивисты утверждали «неизбежность ошибки» любого понимания, но «деконструкция – это не демонтаж структуры текста» (10, с. 341), а лишь предварительный момент анализа, не предполагающий своей окончательности. Текст «рассказывает историю аллегории своего собственного непонимания» (9, с. 136), т.е. объясняя свою «риторичность», текст как бы постулирует необходимость своего собственного неправильного прочтения. П. де Ман, обосновывая принцип субъективности интерпретации литературного произведения, исходил из амбивалентности литературного языка, неза-

висимости интерпретации от текста и текста от интерпретации. Дж. Хиллес Миллер отмечал: «Чтение произведения влечет за собою активную его интерпретацию со стороны читателя. Каждый читатель... налагает на него определенную схему смысла... существование бесчисленных интерпретаций любого текста свидетельствует о том, что чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но является вкладыванием его в текст, который “сам по себе” не имеет никакого смысла» (11, с. 12).

Деррида и предлагал критику отдаваться «свободной игре активной интерпретации», ограниченной лишь рамками общей текстуальности. Сама же внеязыковая реальность воспринимается деконструктивистами как не обладающая конкретной определенностью. Единственная данность для них – «письмо», «авторитет» которого трактуется ими как власть языка художественного произведения, способного чисто риторическими средствами формировать самодовлеющий «мир дискурса». Посредством риторики автор любого художественного текста создает специфическую «власть письма» над сознанием читателя. Всякое художественное произведение рассматривается как «поле столкновения» авторского намерения, читательского понимания и семантических структур текста, основанием для которых служит риторика, «риторическая природа» языкового мышления. «Наивный читатель» стремится к однозначной интерпретации читаемого текста, выявлению в нем единственного смысла. «Сознательный читатель» (деконструктивист) предлагает «новый образец демистифицированного прочтения», т.е. «подлинную деконструкцию текста». «Сознательный читатель» отвергает «устаревшее представление» о возможности однозначно прочесть любой текст. Он предлагает прочтение, которое представляет собой «беседу» автора, читателя и текста, выявляющую сложное взаимодействие авторских намерений, программирующей риторической структуры текста и не менее сложного комплекса возможных реакций читателя» (15, с. 68).

Для деконструктивизма, в отличие от «новой критики», литературный текст не «вещь в себе», не «органическое целое», но отношение к другим текстам, которые, в свою очередь, также являются отношениями. Изучение литературы, таким образом, – это изучение интертекстуальности, которая означает зависимость текста и пропитанность его предшествующими концепциями, фигура-

ми, кодами, подсознательной практикой, условностями и текстами. Произведение искусства всегда возникает в историческом поле предшественников. Каждый литературный текст необходимо является и «интертекстом». Основанием любого текста всегда служит другой текст. Язык текста всегда интертекстуален.

В. Лейтч уделял серьезное внимание и роли психоанализа в деконструктивизме.

К середине 80-х годов в западной критике о деконструктивизме было написано больше, чем о какой-либо другой школе или движении. Его последователи занимали твердые позиции в университетах, печатались в ведущих издательствах и журналах, возглавляли многие профессиональные организации, получали премии и материальную поддержку от многих престижных учреждений. Все это говорит о ведущей роли деконструктивизма в интеллектуальном истеблишменте западной литературно-критической мысли второй половины XX столетия.

Норвежский критик Я. Шовик в статье «Деконструктивная критика в США» (1985) выразил позитивное отношение к вкладу деконструктивизма в американское литературоведение, полагая, что идеи этой школы явились шагом вперед по сравнению с «неокритикой» (17). Представление о произведении как об автономном объекте, подлежащем изолированному рассмотрению, сменилось пониманием художественного текста как «интертекстуального поля», в котором каждое произведение обретает свой смысл только в связи с другими текстами. Критическому монизму «неокритицизма» — убежденности в единственно возможной интерпретации — положило конец представление о неправильности, ошибочности любого прочтения, восходящее к идеям йельских критиков П. де Мана и Х. Блума. Определенности значения текста было противопоставлено восприятие его как свободной игры означающих. Наделяя критический язык теми же свойствами, что и язык литературы, т.е. риторичностью, деконструктивисты отстаивали тезис об общности задач литературы и критики, видя их в разоблачении претензий языка на истинность и достоверность, вскрытии «иллюзорного» характера любых высказываний.

По мнению Я. Шовика, американский деконструктивизм, при всей своей зависимости от концепций Ж. Деррида, достаточно оригинален, так как основные его идеи были пересмотрены в соответст-

вии с системой традиционных для США взглядов на литературу. Норвежский исследователь рассматривает развитие идей деконструктивизма преимущественно на примере «Йельской школы», ядро которой составляли четыре критика: П. де Ман, Дж. Хиллис Миллер, Х. Блум и Дж. Хартман. Среди сторонников этого направления он также называл Дж. Каллера и С. Фиша. Автор предисловия к их программному сборнику «Деконструктивизм и критика» (4) Дж. Хартман представлял деконструктивизм йельцев единым, не-противоречивым явлением, однако, как отмечает Я. Шовик, группа распалась на два «объединения». С одной стороны, П. де Ман и Дж. Хиллис Миллер, с другой – Дж. Хартман и Х. Блум. Различие между ними кроется в понимании сущности литературы. Для Миллера и де Мана произведение полностью дегуманизировано. Они настаивали на приоритете означающего над означаемым, утверждая, что каждое слово художественного языка гораздо шире любого определенного значения и не может быть к нему сведено. В художественной литературе язык реализует свою основную функцию, состоящую в саморазоблачении, в обнаружении якобы своего преимущественно условного, иронического характера. Напротив, для Хартмана и Блума литература изначально гуманистична, они убеждены в ее жизненной значимости, психологической обусловленности.

Для всех деконструктивистов, однако, принципиально важным является различие между планом содержания и планом выражения произведения, поскольку все они исходят из того, что означающее не может быть редуцировано до означаемого. Основной задачей критика становится соответственно демонстрация этого различия путем тщательного анализа языка. Таким образом, метод «пристального прочтения» оставался основным инструментом анализа как у «неокритиков», так и у деконструктивистов.

П. де Ман, отмечает Я. Шовик, отрицал прямую зависимость своих теорий от взглядов Ж. Деррида, терминология которого, по его мнению, слишком отвлеченна. Работы П. де Мана являются примером «пристального прочтения» текстов с отдельными теоретическими замечаниями. Источником своих идей де Ман считал философию Ф. Ницше, выделявшего в языке в качестве основной риторическую функцию в ущерб референциальной, т.е. соотносящей язык с действительностью. Для П. де Мана «риторика подрывает логику высказывания, открывая тем самым неограниченные

возможности для смысловых аббераций» (8, с. 10). Чтение, по де Ману, всегда проблематично, поскольку языку свойственны спонтанные колебания между возможностью осуществления референциальной функции и одновременным опровержением этой возможности. Подобное понимание чтения, по де Ману, является основополагающим для литературоведения, задачей которого соответственно становится описание восприятия текста в соответствии с внутренними и внешними колебаниями языка. При этом критическому языку приписываются те же «соматические колебания», что и языку художественной литературы.

Обращаясь к критике Х. Блума, Я. Шовик выделил своеобразие его позиции, его литературоведческую ориентацию – в отличие от философской или лингвистической направленности других юльцев. Основным объектом исследования Блума является история англо-американской поэзии, понимаемой им как «история поэтического взаимодействия, изменения которой определяют сильные поэты, расчищая себе место путем неправильного прочтения друг друга» (цит. по: 17, с. 5). «Сильные поэты» – ключевое слово в критике Блума, утверждавшего, что «сильные поэты и не пытаются достичь истины в своем творчестве, а только делают вид, что приближаются к ней» (2, с. 2). Таким образом, поэтический текст, по Блуму, становится «ареной борьбы за единственную победу, достойную завоевания, – за бессмертие» (там же). «Сильный поэт» торжествует, ассилировав в своем творчестве художественные завоевания своего предшественника и отстояв себе, таким образом, право на поэтическое бессмертие. С появлением каждого нового «сильного» поэта этот процесс постоянно повторяется. Резюмируя идеи Блума, Я. Шовик усматривал, во-первых, сходство с концепцией Деррида в том, что текст – это бесконечная цепочка толкований одного ряда знаков через другой, и, во-вторых, отличие от понимания «неправильного прочтения», предлагаемого де Маном.

К деконструктивизму в США относятся по-разному, полагал Я. Шовик, однако, учитывая его быстрое развитие и широкое распространение, с ним приходится считаться даже тем критикам, которые относились к нему крайне негативно.

* * *

Среди противников деконструктивизма – профессор Калифорнийского ун-та Дж. Серль (16), американский исследователь У. Рэй (14), английский ученый Ч. Норрис, выступивший с проблемной статьей «Деконструктивизм и смысловые пределы» (13), профессор Калифорнийского университета Джон Эллис, автор книг о немецкой литературе и теории критики. В своей книге «Против деконструкции» (1989) Дж. Эллис предпринял попытку всесторонней критики «логических оснований» деконструктивизма¹. В предисловии он утверждал, что в столкновении между сторонниками деконструкции и ее противниками «совершенно отсутствует потребность в прочном диалоге и взаимодействии между двумя сторонами» (5, с. VII). Поэтому собственную «логическую деконструкцию» деконструктивистской методологии Дж. Эллис связывает с задачей «не только внести свою лепту в обсуждение проблем деконструкции, но также способствовать созданию условий, которые сделали бы возможным такое обсуждение» (5, с. IX).

Главной особенностью деконструктивизма Эллис считал демонстративный отказ от общих логических оснований, которые делаю возможными всякую теорию, ее развитие и ее критику. Теория и практика деконструкции отказываются от общих логико-теоретических презумпций научно-аргументированного суждения, претендую на то, чтобы представлять собою радикально иную, «альтернативную логику», тем самым поставив собственный критический метод вне критики.

На примере нашумевшей в свое время дискуссии Ж. Деррида и Дж. Серля (16) автор стремился доказать, что под прицелом критики деконструктивизм превращает свои претензии на некую привилегированную позицию в риторический прием. Так, в защите своей позиции даже Жаку Деррида приходилось упрекать своего оппонента в «непонимании», т.е. признавать логическую предпосылку объективного понимания, которую деконструктивисты «с own вкусом деконструируют». «Внутренне неуверенная претензия на обладание иной логикой без какой-либо серьезной попытки оправдать эту претензию... немногочисленные и разрозненные попыт-

¹ Реферат книги Дж. Эллиса «Против деконструкции» написан В.Л. Махлиным.

ки – очень слабые – объяснить, в чем же сущность этой новой логики; разложение этой идеи в результате радикального отрицания разума, аргументации и логики, нежелание допускать критику деконструктивизма, которая позволила бы дать объективный анализ и затем его оценку, а также тот факт, что нежелание это обнаруживается, как правило, тогда, когда деконструктивизм оказывается объектом критики, и сразу исчезает в других, менее угрожающих ситуациях, – все это, вместе взятое, по-видимому, свидетельствует не столько о подлинных интеллектуальных убеждениях, сколько о преувеличенном страхе перед контраргументами» (5, с. 15).

Дж. Эллис подвергал анализу дерридеанское понимание языка в связи с теорией Ф. де Соссюра. По его мнению, Деррида не столько развил воззрения Соссюра, сколько произвольно искал их смысл, приписав себе критику «этноцентризма» и отвергая данную Соссюром более «продуктивную» критику «этноцентризма». И это закономерно, полагает Эллис, поскольку значение Соссюра состояло в том, что он «направил внимание лингвистики от преобладавшего ранее этноцентрического изучения письменных языков к разговорным языкам в той части света, которая находится вне западной традиции». Тем самым, подчеркивая первичность письменного слова, его превосходство над устным словом, Ж. Деррида показал лишь свою «книжность, столь характерную для западной интеллектуальной традиции» (5, с. 21). Его позиция «не корректив к этноцентризму, а новое безоговорочное утверждение этноцентризма, который Соссюр стремился исправить и преодолеть» (5, с. 20). На этом основании делался вывод, что «широковещательный поворот от логоцентризма» Запада, якобы осуществленный Деррида, на самом деле был возвращением к прежнему логоцентризму и западной традиции в обход тому новому, что наметил Соссюр.

По мнению Дж. Эллиса, в действительности Ж. Деррида поставил иную, более традиционную проблему «отношения слов к вещам, знаков к референтам» и логоцентризм связал «не с приоритетностью речи над языком, а с взаимоотношением слов и их референтов» (5, с. 29). Однако в том, что касается собственно современной лингвистики, как заявлял критик, Деррида «безусловно отстал». И вообще, по Дж. Эллису, «убеждение деконструктивистов, что они выступают против предрассудка, жертвой которого

является каждый... никак не соотносится с реальными дискуссиями о теории языка в XX в.» (5, с. 37).

Несмотря на «потенциально позитивный элемент в теории Деррида – появление его идей в противовес логоцентризму» (5, с. 4), эта теория подчас не идет дальше «поверхностной критики», подлинным нервом которой является не теоретический, а «иконоборчески-революционный» интерес (5, с. 38). Отсюда правильная, в случае с логоцентризмом, постановка вопроса не ведет ни к какому реальному движению или решению проблемы. «Иллюзия естественности и непосредственности, побудившая поднять вопрос о логоцентризме, заключается не в отношении между речью и смыслом, а в отношении между смыслом и реальностью: слова (написанные или произнесенные) могут казаться естественно и непосредственно связанными именно со структурой мира» (5, с. 35), – утверждал Дж. Эллис.

Возвращением к дососсюровской лингвистике представляются автору такие понятия Жака Деррида, как «различение» и «игра языка»: «Рассматривать неспецифические, неопределенные различия как противоречие – значит ничего не видеть. Позиция Соссюра заключалась в том, что языки – это результат совершенно определенных решений, отделяющих от бесконечного континуума опыта произвольно определенные, ограниченные, т.е. дифференцированные единицы, образующие конечную систему из того, что было бесконечным. Используя термины Соссюра для доказательства того, что означивание – это бесконечная игра, Деррида несоответствующим образом употребляет эти термины. Он вернул нас от конечной системы языка к бесконечной... Он упразднил язык, а не по-новому определил его» (5, с. 54).

Далее Эллис подвергает анализу логику деконструктивистской критики в США, воспринявшей идеи Ж. Деррида и, главное, «навыки мышления, действовавшего при порождении этих идей» (5, с. 67). Автор заверяет, что деконструктивистское мышление непродуктивно и даже агрессивно, потому что оно внутренне не может отделить себя от традиционного, классического, «эссенциалистского» мышления, из критики которого возник деконструктивизм: «Традиционная идея ставится под вопрос, разрушается, взрывается – и вслед за тем удерживается, для того чтобы мы могли сосредоточить внимание на акте разрушения самом по себе, что, однако, никак не означает полного отрицания традиционной идеи» (5, с. 71). В этой зависимости

от традиционных прочтений Эллис видит «самую странную особенность деконструктивизма с логической точки зрения»: без того, от чего он отталкивается, деконструктивизм просто «не может существовать» (5, с. 74). Например, у П. де Мана и других деконструктивистов убеждение, будто текст значит нечто прямо противоположное тому, что он означает, связано, как полагает Дж. Эллис, с признанием стилистически-риторических средств «частью содержания». Эта традиционная точка зрения, по мнению американского автора, основана на презумпции неразделимости формы и содержания в литературном тексте.

Стиль мышления, характерный для деконструктивистов, Дж. Эллис соотносит с «давней традицией, в соответствии с которой французский интеллектуал самоопределялся в оппозиции к тупой буржуазии и официальным органам власти» (5, с. 84). Так, мировоззренческая позиция Р. Барта определяется, по убеждению критика, его темпераментом, а у Дerrida «принимает вид» философской теории. Но во всех подобных случаях «интеллектуальная элитарность – это не гибкая, а закостеневшая позиция; она является конформистской по отношению к схемам мышления ортодоксального парижского интеллектуализма, но неблагоприятна для подлинно творческого, оригинального мышления» (5, с. 85). Как утверждает Дж. Эллис, Америка с ее «плюралистической готовностью к принятию разнообразия» оказалась благоприятной почвой для развития деконструктивизма только на поверхностный взгляд.

«Аура оригинальности и своеобразия» (5, с. 107), сопровождающая деконструктивистский тезис о том, что всякое интерпретативное понимание – это «непонимание», также основана на следовании традиционным понятиям и их выворачивании наизнанку. Причем стоит только вернуть деконструктивистской фразеологии («слепота, «желание» и т.п.) более общепринятый вид, как сразу становится заметным, что за внешне эффектными утверждениями стоят трюизмы, лишенные всякого интереса и продуктивности. Когда говорят, что всякая интерпретация не может исчерпать до конца свой предмет, то это – всего лишь общее место; только деконструктивист превращает нормальную ограниченность всякой интерпретации в аргумент против объективности вообще да и против интерпретации как таковой.

Здесь Дж. Эллис усматривал ту же «дурную бесконечность», что и в дерридеанской концепции «игры языка»: «категорическая форма утверждения – вот что обрекает его на полную неудачу» (5, с. 107). С его точки зрения, тезис: «всякое понимание – непонимание», – это только «лозунг» или, иначе, «перформанс». Логика этого «перформанса» сопоставима с появлением в научном сообществе человека, который начал бы вдруг вещать и проповедовать в том смысле, что, мол, «все мы – грешники». Очевидно, на какой-то момент это имело бы смысл: ведь наши интерпретации, разумеется, никогда не свободны от односторонностей и субъективных пристрастий. Но очень скоро обнаружилось бы, что «проповеднику» больше нечего сказать, как только обвинять всех и каждого (кроме себя); однако на самом деле «он хочет стать исполнителем центральной роли и заставить других прекратить свои научные дискуссии, чтобы исключительно восхищаться его речами» (5, с. 110).

Равным образом, за нашумевшей концепцией Ж. Деррида о «текстуальности» и «игре знаков» стоит, по логике Дж. Эллиса, справедливое, но отнюдь не новое «представление, что текст неисчерпаем», – представление, которому метод деконструкции придал совсем иной смысл. «Разрывая связь с автором, теория текстуальности предполагает, что мы порываем связь с идеей об устойчивом смысле как таковом; текст живет теперь собственной жизнью, представляя целый веер всевозможных значений, которые больше не контролируются ни активностью, интенциями автора, ни правилами и конвенциями языка» (5, с. 115). В результате «игра» текста означает в действительности не автономию его объективности, а освобождение субъективности читателя, который теперь занимает место автора.

Как полагает Дж. Эллис, «освобождение текста от автора посредством текстуальности» представляет собою все ту же, уже рассматривавшуюся в связи с другими деконструктивистскими концепциями «kritику *laissez faire* в ее радикальной формулировке». Здесь логика аргументации совершает «абсурдные» (это слово лучше всего характеризует, считает Дж. Эллис, именно логику деконструктивизма) «скачки» из одной крайности в другую, оставляя без внимания «огромное среднее пространство», которое связано с «подлинными проблемами» интерпретации (5, с. 119). «Суждение научного сообщества ученых в отношении того, какая из существующих в данный момент концепций является наиболее вероят-

ной, – это всегда испытание концепций, оценка которых будет носить относительный, временный характер. Познание, таким образом, не является ни абсолютно объективным (в смысле “бесспорно истинным”), ни индивидуально произвольным, на которое нельзя было бы ответить. Между тем все аргументации в пользу текстуальности и интерпретаций, ориентированных на читательский произвол, осуществляются в направлении от первой крайности ко второй, так, как если бы отказаться от первой значит непременно принять другую» (5, с. 123).

Исходя из такого понимания «текстуальности», критик приходит к выводу, что это «вредная доктрина», побуждающая, в сущности, отказаться от интерпретации, благоприятная для лентяев и людей, чуждых литературе: «Теория деконструкции не ошибается, утверждая, что критик – это творческое лицо. Она катастрофически ошибается, утверждая, что критическое творчество означает свободу от ограничений или от нормативных оценок, влияющих на его результаты» (5, с. 134). Скорее, наоборот, считает Дж. Эллис, продуктивность критика связана со способностью находить новые решения внутри традиции и на основе нормативных оценок, а не путем «задиристых лозунгов» и «квазиальтернативного языка», изобличающего, с его точки зрения, «бессознательное рабство» у традиции.

Касаясь вопроса о причинах популярности во второй половине XX в. деконструктивистских идей, Дж. Эллис полагал, что их успех был обусловлен развитием «критических теорий» предшествующего социокультурного периода: «Прежний акцент на законности различий в критических взглядах без труда преобразуется в теорию текстуальности и на читательски ориентированную критику; предшествующий отказ от идеи объективности в критике естественным образом преобразуется в теорию о том, что все прочтения текста основаны на непонимании; предпочтение индивидуально-критического воображения и творчества логически завершается деконструктивистским отказом от различия между литературой и критикой; неисчерпаемость текста легко сочетается с представлением о бесконечности смысла в безграничной игре знаков» (5, с. 157). Но самым неблагоприятным следствием распространения деконструктивизма Дж. Эллис назвал «глубоко присущий ему антитеоретический характер». Эта особенность обусловила успех деконструктивизма в США и в Европе в силу «самого устойчивого заблуждения литературной

критики, которое состоит в ее готовности отказаться от общественного чувства, общего дела» (5, с. 159). Результатом этого явился «хаотический поток критических работ», во многих случаях отмеченных резким снижением теоретического уровня исследований и подменой «подлинной» теоретической рефлексии – «иллюзорной».

Дж. Серль, заключая свою программную статью «Теория литературы и ее тревоги», выразил сомнения по поводу возможности создания серьезного научного труда в этой области. «Значительная доля заблуждений в теории литературы порождается сверхспециализацией современной интеллектуальной деятельности, что наиболее характерно для деконструктивизма» (16, с. 667).

Список литературы

1. Bloom H. *The anxiety of influence: A theory of poetry*. – Oxford, 1973. – 157 p.
2. Bloom H. *Poetry and repression*. – New Haven; L., 1976. – 176 p.
3. Culler J. *On deconstruction: Theory a. criticism after structuralism*. – L., etc., 1983. – 307 p.
4. *Deconstruction and criticism / Bloom H. etc.* – N.Y., 1979. – 256 p.
5. Ellis J.M. *Against deconstruction*. – Princeton, 1989. – X, 168p.
6. Leitch V.B. *Deconstructive criticism: An advanced introd.* – L., etc., 1982. – XII, 290 p.
7. Leitch V.B. *Deconstructive criticism // Leitch V.B. American literary criticism from the thirties to the eighties*. – N.Y., 1988. – P. 267–306.
8. Man P.M. de. *Allegories of reading*. – New Haven; L., 1979. – 305 p.
9. Man P. de. *Blindess and insight: Essays in the rhetoric of contemporary criticism*. – N.Y., 1971. – XIII, 189 p.
10. Miller J.H. *Steven's rock and criticism as cure: 2 // Georgia rev.* – N.Y., 1971. – Vol. 3, N 2. – P. 335–348.
11. Miller J.H. *Tradition and difference, rev. of M.N. Abram's Natural supernatural // Diacritics*. – Baltimore, 1972. – Vol. 2, N 2. – P. 9–12.
12. Norris Ch. *Deconstruction: Theory and practice*. – L., N.Y., 1982. – XIII, 157 p.
13. Norris Ch. *Deconstruction and the interest of theory*. – L., 1988. – 185 p.
14. Ray W. *Literary meaning: From phenomenology to deconstruction*. – Oxford, 1984. – VII, 228 p.
15. Saldivar R. *Figural language in the novel: The flowers of speech from Cervantes to Joyce*. – Princeton, 1984. – XIV, 267 p.
16. Searle J. *Literary theory and its discontents // New lit. history*. – Charlottesville, 1994. – Vol. 25, N 3. – P. 637–667.
17. Slávik J. *Dekonstruktionkritiken in Amerika*. – Edda; Oslo, 1985. – N 1. – S. 825–848.